

СТАЛКЕР

зона философии в
голове поэта

Р.В.Москвин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Москвин Сталкер. Зона философии в голове поэта

<https://litres.ru/74039519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рома Поэт - это не зелень, это человек живущий своей поэзией.

Он не просто бродяга - он легенда.

Сталкер философ, поэт, романтик, именно он легенда зоны

Роман Москвин

Сталкер. Зона философии

в голове поэта

Часть 1

Глава 1

Сегодня я буду повествовать об истории Ромы Поэта. Поэтом в Зоне его кличили за особый талант: он умел заговаривать зубы так, что люди верили каждому слову. Пару раз он так красиво наврал военным, что целый патруль из-за его сказок пошёл напрямик к Выжигателю мозгов. На самом деле Рома был хорошим, надёжным мужиком. А история эта о том, как он в очередной раз побывал за Периметром. С Зонной он был знаком, можно сказать, с пелёнок. Отправился он туда за большими деньгами... А может, и не за деньгами вовсе. Кто его теперь знает?

Проникать за Периметр нелегально — тот ещё кайф, да вот только обратно тебя уже никто добровольно не выпустит. Хотя, если прижмёт, всегда можно поднять ствол и размотать заслоны.

На дворе стоял 2014 год. Самый стык сезонов — почти

лето, но по ночам ещё чувствовалась холодная, сырая весна. Рома заранее скупил всю необходимую амуницию у проверенных людей на Большой земле и выдвинулся к Периметру.

Граница встретила его колючей проволокой и мрачными силуэтами прожекторов. Рома аккуратно вышел из тени деревьев прямо к блокпосту, держа руки на виду.

— Эй, мужики, пропустите за милое дело? — негромко окликнул он часовых.

Кусты зашуршали, на него уставились стволы армейских автоматов. Старший наряда сплюнул под ноги:

— Мужик, ты чё, с дуба рухнул? Куда прёшь? Здесь закрытая зона, стреляем без предупреждения.

Рома даже не дрогнул. На его лице появилась та самая фирменная, расслабленная улыбка:

— Ну, мужики, я в бар пришёл, пива попить. Вы же тут как раз вход в кабак охраняете, верно?

Солдаты переглянулись. Похоже, монотонная служба на Периметре им изрядно надоела, и наглый бродяга их повеселил. Командир опустил автомат:

— Ладно, топай, шутник. Только учти: назад пути нет, не выпустим. Сдохнешь там в чертёверах — тоже не наши проблемы. Усёк?

— Мужики, благодарю от души! — кивнул Рома.

— Топай быстрее, молодняк, пока мы хорошие, — буркнул солдат, отходя в сторону.

Рома быстро перемахнул через поваленную секцию забора и растворился в темноте. «Хорошо, что пацанчики с юморком попались, — думал он, уходя вглубь первой локации. — И хорошо, что не узнали. А насчёт "молодняка" они, конечно, промахнулись. Какой из меня зелёный новичок? Я здесь каждый куст знаю».

Дорога до первой обитаемой точки оказалась долгой. Рома шёл несколько часов, багровый закат стремительно уступил место глухой, непроглядной ночи Зоны. Нужно было поторапливаться и добираться до Деревни новичков, пока на охоту не вышли ночные мутанты.

Наконец в низине показались полуразрушенные кирпичные домики. Рома спустился в подвал, где обычно сидели часовые. Навстречу ему поднялся крепкий сталкер в хорошем комбинезоне. Присмотревшись в тусклом свете фонаря, пришелец замер:

— Волк? Ты, что ли?

Командир деревни взгляделся в лицо гостя, и его глаза округлились от изумления:

— Ромчик?! Твою мать... Я же думал, ты на ЧАЭС сгинул тогда, год назад, во время того безумного прорыва к Центру!

От этих слов сидевший у костра молодняк зашевелился. Новички мгновенно побросали свои дела и обступили ветеранов, жадно ловя каждое слово. Про ЧАЭС в этих краях ходили самые страшные легенды.

Рома тяжело вздохнул, вспоминая прошлое:

— Почти сгинул, Волк. Накрыло меня там знатно. Лежал раненый, кровью истекал посреди радиоактивного хлама, думал — всё, оттоптался Поэт. Но повезло. Проходил мимо один сталкер-одиночка. Не побоялся шквального огня, подошёл, молча скинул мне свою последнюю армейскую аптечку и ушёл дальше в туман. Я на этих промедоловых уколах кое-как до разбитых туннелей дополз и чудом выкарабкался из Центра.

— Ну ты и везучий ублюдок, Поэт, — качнул головой Волк, хлопая друга по плечу. — Из такой мясорубки живым вернуться... Ладно, располагайся. Разговоров на сегодня хватит. Отдыхай с дороги.

На этом их разговор закончился. Рома прошёл к центру лагеря, где весело потрескивал костёр. Он со вздохом облегчения присел на ржавый автомобильный кузов рядом с молодыми сталкерами. В темноте тихо и меланхолично зазвенели гитарные струны, кто-то негромко затянул старую дорожную песню. Рома закрыл глаза, впитывая этот забытый,

родной вайб. Он вернулся домой.

Глава 2

Наступило утро. Рома открыл глаза, выбрался из спального и понял: пора браться за дело. Хватит расслаиваться в деревне, он пришёл сюда зарабатывать.

Поправив снаряжение, Рома спустился в бункер к Сидоровичу. Старый, прожжённый торговец, как всегда, сидел за своим столом, лениво перебирая какие-то накладные. Юмор у этого толстяка всегда был специфический, с запахом консервированной тушёнки и чистой выгоды.

— Здорово, Сидорович. Узнаёшь меня? — Рома опёрся о косяк двери.

Торговец даже головы не поднял, лишь хмуро зыркнул поверх очков:

— Ты, сталкер, шутки шутить сюда пришёл? Я, по-войску, каждого по призыву наизусть знать должен? Вас тут за неделю сотнидохнет. Ближе к делу.

— Ладно, проехали, — Рома усмехнулся. — Работёнка для меня есть? Серьёзная.

Сидорович отложил бумаги, оценивающе оглядел потрёпанный, но крепкий комбинезон гостя и кивнул:

— Да. Есть дельце. Сбегай на завод «Росток», в бар «100

Рентген». Заберёшь у Бармена один кейс и принесёшь мне. Доставишь в целости — обижен не будешь. По меркам зелени, конечно...

Рома мысленно усмехнулся. Он прекрасно понимал, что у старого хрыча свои понятия о честной плате, и для опытного бродяги эти копейки — смех один. Но для начала сойдёт.

— Договорились. Скоро кейс будет здесь.

Выйдя из бункера, Рома достал прибор и пометил задание. КПК в Зоне — это единственный аналог телефона и главный инструмент для выживания. У Ромы был крепкий аппарат-середнячок в защищённом корпусе. Кнопочный, конечно. Жалеть о том, что он не сенсорный, не приходилось — в этих краях рабочие сенсорные экраны ценились на вес золота, да и ломались от первой же аномальной вспышки.

Сверив часы, Рома двинулся в путь. На дворе было раннее утро, около семи часов. Чего ему не спалось в тёплом подвале — он и сам толком не знал, но Зона не любила сонь. Здесь, среди мёртвых холмов, он по-настоящему чувствовал себя живым. Пейзажи, туман, вечный дождь, тяжёлые тёмные облака, сквозь которые ты идёшь с Калашниковым наперевес — для Ромы это был суровый, меланхоличный рай.

Но сегодняшнее утро стало неприятным исключением. В

Зоне редко бывают светлые дни, но сегодня небо над Кордоном сияло чистой, пронзительной синевой. Голубые дали, яркое солнце — Рома искренне не любил такую погоду. В ней не было уюта. То ли дело пасмурный, мглистый день или глухая ночная темь. В тумане куда проще работать: можно подобраться к зазевавшемуся мародёру и по-тихому, без шума, запихать ему ножичек прямо под рёбрышки. Ну а что поделать? Хабар сам себя не добудет, в Зоне каждый крутится как может.

Кордон — южные ворота Зоны. Слева лежат Болота, где ржавая, ядовитая вода за пару часов разъедает подошву армейских берцев, и в обычной кожанке туда соваться — чистой воды самоубийство. Справа тянется Кишка — длинная, изогнутая, как внутренности потрошеного зверя, железнодорожная насыпь, заросшая серым кустарником и глухим лесом, где вечно крутится голодное зверье.

Погода хмурилась, небо затягивало свинцовыми тучами, и этот мрачный, суровый пейзаж отзывался в душе Ромы привычной, сладкой меланхолией. Настоящий рай для одиночки. Он шел мимо полуразрушенного Элеватора, чьи ржавые конструкции уныло высились на фоне блеклого horizons. На секунду мелькнула мысль: зайти внутрь, скинуть лишний хабар, сделать тайник? Нет. Слишком приметное место. Слишком легко найдут. Рома поправил лямку рюкзака

и двинулся дальше.

Впереди выросла насыпь, перекрывавшая Кордон пополам. Железный мост охраняли военные — четыре варианта пройти, четыре разные цены за жизнь. Можно отдать пятьсот рублей командиру патруля и пройти смирным псом. Можно вскинуть ствол, размотать вояк и разжиться их калашами, но это огромный риск. Третий путь лежал слева, через темный туннель, но там гуляли «электры» — смертоносные ступки чистой энергии, способные за секунду превратить человека в обугленный кусок мяса. Опытные сталкеры обманывали их, бросая обычные болты — этот нехитрый трюк, подсмотренный еще у Стругацких в их старом «Пикнике», заставлял аномалию разряжаться на долю секунды, давая шанс проскочить.

Рома выбрал четвертый вариант — уйти вправо, обойти насыпь по холмам. Погода подыграла ему идеальной маской: на Зону опустился плотный, сырой туман, наглухо срезая видимость для армейских биноклей. Идя сквозь эту серую пелену, Рома то и дело доставал потрепанный блокнот, делая короткие записи. Дорожный дневник был его единственным якорем, страховкой от того, чтобы не сойти с ума и не сгинуть в этой глуши.

Насыпь осталась позади, впереди показались руины ста-

рой фермы и зловещий остов «Грузовика смерти» — того самого, на котором, по слухам, вглубь Зоны когда-то привезли легендарного Стрелка. Вайб этого места давил на психику, но расслабляться было некогда. Впереди, на старом КПП, сидели бандиты.

Рома прекрасно знал, что в Зоне придется сталкиваться с этой шелупонью. Шелупонь — самое точное слово. Мерзавцы, которые прячут трусость за наглыми ухмылками и дешевым блатным жаргоном. Они промышляли самым гнусным делом — грабили «зелень», сталкеров-новичков, которые только пришли на Кордон и еще не научились держать в руках оружие.

Но Рома не был беззащитной жертвой. На нем был надет стандартный сталкерский комбинезон «Заря» — далеко не идеальная броня, но всяко лучше дырявого бандитского плаща. Пистолет Макарова в кобуре на бедре служил скорее для самоуспокоения, а вот настоящий козырь лежал в тактической сумке — укороченный автомат Калашникова. Компактный, хищный, скорострельный. Рома проверил затвор. Рядом в рюкзаке плотно лежали сухпак, спальник, медикаменты и набор инструментов для чистки и смазки оружия. Набор для выживания был собран идеально. Наглые маски бандосов не пугали Поэта — его АКСУ был готов быстро и щедро нафаршировать свинцом любого, кто встанет на пути.

Туман сожрал остатки ориентиров, превратив разрушенный КПП в расплывчатое серое пятно. Рома пригнулся, почти касаясь мокрой травы, и перевёл предохранитель АКСУ в нижнее положение. На один щелчок. Одиночные. Против пятерых бандитов зажим не спасет — только зря сожжет патроны.

Из полумрака долетели обрывки ленивого матерного трепа. Они сидели у костра за бетонными блоками, расслабленные, уверенные в своей безнаказанности. Старший — жирный тип в засаленном кожаном плаще — лениво цедил что-то из фляги. На его лице играла та самая мерзкая маска превосходства, которую Рома ненавидел больше всего.

Сердце Поэта сделало глухой удар и упало куда-то в желудок. Пальцы на цевье автомата стали липкими от пота. Время растянулось, превративсь в густой кисель. Рома сделал глубокий вдох, шагнул из пелены тумана и нажал на спуск.

Хлесткий выстрел разорвал тишину Кордона.

Пуля калибра 5.45 вошла жирному прямо в переносицу. Затылок бандита взорвался фонтаном из костной крошки и багровой жижи, забрызгав сидящих рядом шестерок. Тело мертвеца тяжело рухнуло лицом прямо в костер, взметнув

сноп искр и наполнив воздух тошнотворным запахом горелой человеческой кожи и волос.

— Шухер, сука! Вали его! — истошно завязал один из выживших, бросаясь за бетонную плиту.

В ту же секунду по КПП ударил хаотичный ответный огонь. Грохот обрезов и пистолетных выстрелов бил по ушам так, что мир вокруг зашатался. Две пули с противным жужжанием прошли в миллиметрах от уха Ромы, содрав кору со старого тополя за его спиной.

Адреналин рванул в кровь, выжигая остатки страха. Спокойный поэт Рома исчез — осталась только машина, запрограммированная на выживание. Он рванулся вправо, падая на колено за ржавый остов легковушки. Из-за угла на него выскочил второй бандит — молодой пацан, у которого от ужаса зрачки расширились на весь глаз. Он судорожно пытался перезарядить двустволку, но руки ходили ходуном.

Рома не стал стрелять. Он резко выбросил руку вперед, вбивая ствол калаша прямо в зубы парню. Раздался глухой, влажный хруст. Бандит захлебнулся собственным криком и кровью, оседая на землю, и Рома тремя выстрелами в упор разворотил ему грудную клетку. Ткань куртки лопнула, обнажая рваные края ребер и пульсирующие, залитые свинцом

легкие.

Слева ударила глухая очередь — третий бандос обошел машину сбоку. Пуля скользнула по плечу Ромы, разрывая плотный брезент комбинезона «Заря». Ткань мгновенно окрасилась темно-бордовым, плечо обожгло, словно к нему прижали раскаленное клеймо. Рома взвыл от боли, перехватил автомат одной рукой и, почти не целясь, нажал на спуск до упора, срываясь на непрерывный зажим.

Короткий ствол АКСУ заплевался яростным пламенем. Четыре пули подряд вошли противнику в живот. Мужика буквально согнуло пополам. Он упал на бок, судорожно пытался удержать руками вываливающиеся сквозь пальцы скользкие, сизые петли собственных кишок. Из его рта вместе с хрипом толчками шла густая пена.

Один из них попытался побежать назад, в сторону насыпи. Рома поймал его спину в прицел. Выстрел. Пуля перебила позвоночник. Беглец рухнул на живот, крича и скребя ногтями сырую землю, волоча за собой парализованные ноги.

Последний бандит остался один у костра. Он бросил пистолет в грязь и упал на колени. Его маска крутого парня сорвалась, обнажив полную, экзистенциальную пустоту. Мужик просто сломался. Он обнял себя руками за плечи, глядя

на дымящиеся трупы своих поделльников стеклянным, отрешённым взглядом, и заговорил в пустоту:

— Твою мать... Говорили мне: «Иди в сталкеры, там романтика, бабки»... Сука, какая же дрянь... — его голос сорвался на хриплый, безумный смешок.

А затем, среди этой гробовой тишины, порохового дыма и запаха бойни, бандит вдруг тихо, дрожащим и абсолютно уставшим голосом начал напевать знакомый, меланхолический мотивчик:

— Я громко дверь закрою... я устал от любви...

Рому будто током ударило. Поэт замер с поднятым автоматом, и дымящийся ствол АКСУ дрогнул в его руке. Сердце сделало бешеный кульбит. Рому насквозь пронзило дикое, пугающее озарение: ведь он сам, на протяжении всей этой кровавой, грязной бойни, пока свистели пули и ломались чужие рёбра, мысленно напевал точно эти же строки. Я громко дверь закрою, я устал от любви, и жертвовать собою навсегда обречён...

Пазл сошёлся с глухим щелчком. Они были на одном уровне. На одной частоте меланхолии и изломанной судьбы. Перед ним на коленях сидел не просто враг, а такое же зеркало, как тот клон из лаборатории, только живое и так же уставшее от этого ада.

Рома тяжело, со свистом выдохнул. Спокойствие писателя вернулось к нему мгновенно, смывая адреналиновую ярость. Он подошёл к поющему бандиту вплотную. Тот продолжал раскачиваться, уткнувшись взглядом в землю. Рома молча нагнулся, собрал всё его оружие — грязный пистолет и старый обрез — и широким замахом зашвырнул их далеко за пределы КПП, в густые колючие кусты.

Рома посмотрел на него сверху вниз. Бандит всё ещё тихо скулил, уткнувшись в ладони.

— Посмотри и выслушай меня, — негромко, но стальным тоном произнёс Рома.

Мужик вздрогнул, медленно поднял голову и уставился на Поэта снизу вверх дикими, полными слез и ужаса глазами. Он ждал пули в лоб. Рома резко протянул руку, ухватил пальцами край бандитской нашивки на его засаленном плаще и с треском сорвал её прочь, швырнув тряпку в тлеющий костёр.

Поэт смотрел на него спокойно, его голос прозвучал тихо, но удивительно веско в звенящей тишине Кордона:

— Жизнь одна прощает людей метками... — Рома сделал короткую паузу, вслушиваясь в треск пламени. — Я вижу, ты особенный. Живи. Пойдёшь в одиночки — романтикой про-

никнешься. И еще, Рома Поэт романтику любит. Еще оружие найдёшь недалеко отсюда, где-то в кустах.

Бандит так и застыл на коленях с открытым ртом, ловя каждое слово, не в силах пошевелиться от шока. А Рома уже не ждал ответа. Он просто развернулся, поправил лямку рюкзака с зажатым в руке автоматом и, не оборачиваясь, зашагал прочь с КПП — туда, где туманная дорога уходила на Свалку.

Позади остался треск костра, трупы и раненное плечо, которое неприятно пекло. Рома уходил вглубь Зоны, запечатав этот бой внутри себя. Больше он не проронил ни слова. Он отправился на Свалку.

Свалка встретила Рому удушливым запахом ржавчины и въедливой пылью. Не успел он пересечь границу локации, как из-за кустов выскочил местный бандюк и упёр ствол ему прямо в лицо.

— Убери ствол. Тогда поговорим, — спокойно произнёс Поэт.

Тот только наглее вдавил вороненую сталь в кожу. Рома ждать не стал. Короткое смещение корпуса в сторону, перехват — и тяжелый приклад Калашникова с глухим стуком

впечатался бандиту точно в челюсть. Тот кульком осел в пожухлую траву. Убивать его Рома не стал — лишний раз грех на душу брать не хотелось, да и патроны стоило беречь.

Собрать хабар с тех пятерых на Кордоне было правильным решением, Бармен на «Ростке» за хорошие стволы отсыплет достаточно денег. Вот только Рома не учёл одного: раненое на КПП плечо теперь горело живым огнём, а ляжки рюкзака, набитого чужими автоматами и обрезам, врезались в плоть до костей. С таким перевесом идти было невыносимо. Мимо проплывали гигантское кладбище брошенной радиоактивной техники, мрачные контуры Депо, Барахолка... Но Рома не останавливался. Минут десять такой ходьбы показались ему вечностью. Нужен был короткий привал хотя бы на пять минут, иначе он просто рухнет посреди поля.

Блокпост «Долга» вырос впереди как раз вовремя, прямо перед переходом на территорию Бара. Застава представляла собой глухой забор, бетонные блоки, потрёпанный вагончик и костёр, у которого сидело несколько бойцов в красно-чёрных комбинезонах. Рома подошёл к долговцам, переговорил и с тяжёлым вздохом присел у огня. Пять минут, чтобы перевести дух и унять дрожь в плече.

Пока Рома отдыхал и обдумывал, как пойдёт в Бар и доставит кейс, долговцы вокруг всю галдели, травили бай-

ки о «Свободе» и «Монолите». Рома слушал их краем уха. Странно, ведь он один с группой Стрелка знал, что Монолит не исполняет желания — это просто сказка для дураков. Про Клондайк артефактов он тоже слышал, да только его нет, артефакты там горами, как Альпы, не лежат. Рома был в самом центре Зоны, и не раз.

Мысли прервал резкий, давящий гул, от которого заложило уши. Небо над Свалкой в секунду налилось кроваво-багровым цветом.

— Выброс! Твою мать, Выброс! Все в укрытие! — заорал долговский командир.

Рома подхватил свой тяжеленный рюкзак и рванулся вслед за бойцами в полумрак железного вагончика. Дверь со скрежетом захлопнулась. Снаружи начался ад. Земля под ногами ходила ходуном, а стены вибрировали от колоссальных всплесков псионической активности. Оказаться на улице сейчас — гарантированная смерть, энергия Зоны просто выжжет мозг. Рома сидел в полутьме, привалившись к железной обшивке. Ему было известно, что эти выбросы могут создаваться специально из секретных лабораторий, а иногда происходят сами — это чистая энергия Зоны.

В полумраке Рома машинально достал из подсумка при-

бор, чтобы занять руки. Обычный «Отклик» — самый простой, первый детектор с закрывающейся крышкой и светодиодом. Вспомнилось, как устроена эта техника. Вторым шел «Медведь» — он уже лучше, у него есть локатор в виде круга, что помогает точнее понять, где артефакт. Эти два детектора всегда сопровождаются характерным писком. Третий, «Велес», показывает артефакты на локаторе четырёхугольной формы. И последний, четвертый — «Сварог». Это специально созданный поисковый сканер, по факту улучшенный «Велес», который собрал техник Новиков.

Сами артефакты — это образования в аномалиях, сделанные из всякого хлама, и каждый имеет своё свойство: кто радиацию понижает, кто повышает, у одних пустоты больше, у других меньше.

Из-за стен долетал гул голосов должовцев. «Долг» — это группировка из бывших военнослужащих, дисциплинированные типы, которые хотят полностью уничтожить Зону. «Свобода» — их полная противоположность, анархисты, которые хотят, чтобы Зона стала свободным государством, с которым нужно сосуществовать, продавая арты и покуривая травку. А «Монолит» — это целая группировка фанатиков, которые защищают ЧАЭС и другие северные локации от любого чужака.

Снаружи железо стонало под напором Выброса. Рома спрятал детектор обратно в карман, закрыл глаза и поглубже натянул капюшон куртки. Ему нужно было переждать этот шторм. До Бара оставался всего один бросок.

В КПК коротко пискнуло: «Выброс закончился». Рома поднялся, отряхнул комбинезон, поблагодарил угрюмых должговцев и прошёл через заставу. Впереди лежал завод «Росток» и знаменитый бар «100 Рентген».

На самом подходе Рома аккуратно миновал глубокую канаву с острыми железными шипами — Долг наглухо перекрыл этот проход от набегов слепых псов и псевдособак. Охрана на воротах проверила КПК, молча пропустила. Миновав пару темных переулков и бетонных закоулков, Рома вышел на развилку. В одну сторону уходила дорога к Арене, где заправлял Арни — жуткое место, где сталкеры дрались насмерть ради быстрых денег. Выиграл — забрал куш, проиграл — сдох в грязи под улюлюканье толпы. Рома повернул в другую сторону. Убрав автомат за спину, он спустился по бетонным ступеням в мрачный, прокуренный подвал.

В баре «100 Рентген» было не протолкнуться. Вместо костра сталкеры жались к длинной стойке, пили дешёвую водку, шумно общались и травили бесконечные байки. Рома не стал задерживаться. Он подошёл напрямик к Бармену и со-

общи́л, что прибы́л от Сидоровича за кейсом. Оценивающе огляде́в Ро́му, Бармен молча достал из-под прилавка тяжё́лый дипломат. Рома забрал его, а заодно выложил на стойку трофейные стволы, снятые с бандитов на Кордоне. Сделка вышла неплохой, карман приятно потяжелел, а с плеч наконец-то спал этот прокля́тый перевес.

Путь обратно на Кордон выдался монотонным и сухим. Пройдя аналогичный маршрут мимо Свалки, Рома добрался до бункера Сидоровича, сдал кейс и забрал награду. Но когда он пересчитал деньги, внутри шевельнулось глухое раздражение. Денег было откровенно мало. Работать на старого торговца — сомнительная затея, подходящая разве что для «зелёных» новичков, которым нужно набивать репутацию с нуля. Рома зелёным не был, он топтал Зону не первый день.

И тут его осенило. Схрон. У него ведь осталась старая, нехилая нычка с топовой снарягой... Вот только спрятана она была на самой Припяти. Идти туда в обычном комбинезоне «Заря» и со штурмовым обрубок АКСУ было чистым безумием — там любая мутировавшая крыса порвет его как грелку. Нужна была серьёзная подготовка. Рома развернулся и снова отправился на «Росток».

Вернувшись в бар, он облокотился о стойку, чтобы прицениться к снаряжению. Рома точно знал, что ему нужно:

тяжелый армейский бронекостюм «Булат» и ОЦ-14 «Гроза». Но не обычная, а редкий экземпляр, переделанный народными умельцами под патрон 5.45. С такой штукой можно было не таскать с собой килограммы редких тяжелых патронов, используя ходовой армейский калибр. Бармен хмуро посчитал на калькуляторе и выдал цену: «Булат» — сто пятьдесят тысяч рублей, штучная «Гроза» — сто тысяч. Итого двести пятьдесят тысяч. А у Ромы в кармане после всех пробежек было всего пятьдесят тысяч рублей. Двухсот тысяч не хватало.

— Бармен, есть высокооплачиваемая работа? — прямо спросил Рома.

Торговец опустил глаза, вытирая стакан грязным полотенцем, и заговорил тише:

— Есть. Но дело труба. Заказ на ликвидацию отряда военных мастеров. Их пятнадцать человек. Все как один упакованы в тяжелые экзоскелеты, в руках натовские ГП-37.

— Сколько платишь?

— Сто пятьдесят тысяч рублей.

Рома на секунду замер. Сумма огромная, но и контракт самоубийственный. Если он завалит их, то заберет хабар, продаст те самые ГП-37 и как раз соберет нужные двести пятьдесят тысяч на «Булат». Но сможет ли он один, со штур-

мовым обрубком калаша, перебить полтора десятка элитных бойцов? Выйти на них в лоб на открытой местности — гарантированно поймать лицом очередь. Военные мастера в экзоскелетах просто раскатают его. Рома понимал: против лома нет приема, если ты сам не станешь хитрее. Придется использовать саму Зону, устроить засаду и заманить их туда, где тяжелая броня станет для них гробом.

— Я берусь, — твердо сказал Рома.

— Добро. Координаты скинул на твой КПК, — кивнул Бармен.

Получив метку, Рома прикупил у торговца последние патроны на ПМ и АКСУ, проверил снаряжение и покинул душный подвал. Впереди его ждала самая опасная охота в его жизни.

Глава 3

Координаты в КПК вели прямым ходом на Армейские склады, на старую военную базу. Пятнадцать элитных мастеров. Судя по разведанным, пятеро сидели в главном здании, трое держали охрану на входе, а остальные рассредоточились по территории базы. Что ж, расклад простой: или джекпот и куча денег, или смерть. Или я их, или они меня.

Прямо с «Ростка» я выдвинулся на Склады. Напоследок

успел взять в аренду у одного хорошего знакомого снайперскую винтовку Драгунова. СВД была в идеальном состоянии, ухоженная, чистая — оставалось надеяться, что старая добрая классика не подведет. Дойдя до перехода, я аккуратно пересёк блокпост, который на удивление совершенно пустовал. Ни живой души, только ветер гонял мусор по разбитому асфальту.

Миновав заставу, я оказался на Армейских складах. Главное здесь — не напороться на кровососов, их заброшенная деревня тут совсем неподалёку, а связываться со стелс-тварями сейчас не входило в мои планы. Я тихо прокрался к холму, возвышающемуся прямо перед базой военных, и залёг в густой сухой траве.

Ну... с Богом.

Был ли Рома Поэт таким бесстрашным, каким казался со стороны? Черта с два. Всё тело крупно тряслось, зубы стучали, а раненое на Кордоне плечо противно ныло. Мысль о том, что мне в одиночку предстоит вырезать пятнадцать обученных солдат в тяжелой снаряге, парализовала волю. Руки ходили ходуном, прицел СВД гулял из стороны в сторону. Нужно было срочно взять себя в руки.

Я залез в карман, достал пачку сигарет от какой-то безы-

мянной конторы и прикурил. Сделал глубокую затяжку, позволяя горькому дыму обжечь легкие, а затем достал флягу и сделал хороший, обжигающий глоток водки «Казак». Тяжелое тепло разлилось по желудку. Дрожь в пальцах постепенно утихла, волнение отступило, уступив место холодному расчету. Всё нормально. Пора начинать штурм.

Проверив, чтобы все пушки были заряжены, я прильнул к оптике СВД. Поймал в перекрестие первую цель. Выстрел. Хлесткий хлопок разорвал тишину, и часовой на вышке кулем рухнул вниз. СВД сделало свое дело идеально. Быстро переведя прицел, я снял еще двоих на входе, прежде чем на базе успели понять, откуда прилетела смерть.

Отложив винтовку, я перехватил АКСУ, плавно потянул затвор на себя и погнал вперед. На улицу уже опустилась глухая, непроглядная темень Зоны, но у меня был ПНВ. Зеленоватый экран прибора ночного видения четко выхватывал детали — видимость была отличной. Я скользнул за бетонный забор и начал методично валить всех, кто попадался на пути.

Черт, в какой-то момент я сам себе всё усложнил. Расстрелял одного выскочившего из темноты бойца, за ним тут же срезал второго, а следом — третьего. Очередь из Калашникова гулко хлопала в ночи. Проскочив мимо блокпоста, я

оказался на небольшом мосту. Хорошо, что я заранее снял снайперов на вышках, иначе меня бы уже превратили в решето.

Я пробрался к длинному барaku казармы. Внутри, судя по тепловизору, находились двое. Приоткрыв дверь, я бесшумно скользнул в темноту. Первый военный сидел спиной ко мне. Одно резкое, отработанное движение — я зажал ему рот свободной рукой и ловким взмахом ножа полоснул по горлу, гася любые звуки, чтобы не поднялась общая тревога. Второй солдат, сидевший в глубине комнаты, вскинул ствол, но я оказался быстрее. Выхватив пистолет с глушителем, я дважды нажал на спуск. Хлесткие, тихие шлепки — пули легли точно в лицо, повыше бронепластины экзоскелета. Военный без звука завалился на двухъярусную койку.

Дальше начался настоящий ад. Я думал отсидеться в казарме, но по базе уже завывала сирена — кто-то наткнулся на трупы у вышки. В ту же секунду по окнам барака снаружи ударил шквал огня. Натовские ГП-37 зашлись бешеным, раскатистым лаем. Стекла мгновенно разлетелись в пыль, бетонные стены затрещали под градом пуль калибра 5.56. Меня швырнуло на пол, засыпало штукатуркой и осколками.

Наружу я вылетел через заднее окно, ободрав руки до крови. Из-за угла ангара наперерез мне выросли три брониро-

ванные туши. Сервоприводы их экзоскелетов мерзко выли в ночи, ПНВ на их шлемах горели зловещими зелеными точками. Они не целились — они просто заливали сектор свинцом. Я нырнул за ржавый остов грузовика, и в ту же секунду кабину над моей головой срезало как бритвой. Металл лопался с визгом.

— Он за машиной! Окружай! — долетел глухой голос из-за тактического шлема.

Впереди шел их командующий — на нем сидел какой-то экспериментальный, массивный образец экзоскелета, весь опутанный силовыми кабелями. Высунувшись на долю секунды, я дал длинную, отчаянную очередь из АКСУ прямо по его ногам. Пули высекали снопы искр из титановых поножей, но три штуки из веера калечащих попаданий прилетели точно в уязвимое место — под колено, туда, где крепился толстый распределительный спец-шланг гидравлики высокого давления.

Свинец разорвал армированную резину. Раздался оглушительный, яростный свист вырывающегося масла. Экспериментальная система мгновенно дала критический сбой. Мощнейшие сервоприводы закоротило, автоматика сошла с ума, и тяжелая гидравлическая станина вместо того, чтобы согнуться, со страшным, неестественным воем вывернулась

в обратную сторону.

Раздался жуткий, ни на что не похожий хруст ломающихся человеческих костей, смешанный со скрежетом металла. Экзоскелет буквально вывернул пилоту ногу под диким, анатомически невозможным углом, а затем, продолжая конвульсивно сжиматься, с силой впечатал верхнюю половину брони назад, намертво ломая несчастному командиру позвоночник. Военный даже не успел закричать — из его шлема сквозь забрало брызнула густая кровь, и многокилограммовая титановая ловушка рухнула на асфальт безжизненной, скрюченной грудой. Зрелище было такое, что кровь стыла в венах.

Пока двое других на секунду оцепенели от шока, глядя на то, как их командира заживо расплющило собственное снаряжение, я сорвал с пояса Ф-1, рванул чеку зубами и швырнул лимонку прямо под ноги выжившим.

Оглушительный взрыв швырнул их на землю. Пользуясь моментом, я выскочил из-за машины и в упор, почти прижимая ствол АКСУ к стеклянным забралам шлемов, разрядил остаток магазина в их лица. Кровь брызнула прямо на мой ПНВ, заливая экран зеленой жижей. Десять человек уже удобряли землю Складов своими телами.

Я рванулся к главному штабному зданию, судорожно вбивая новый рожок на ходу. На крыльцо вывалились еще двое. Один вскинул ствол, и пуля рикошетом со свистом зацепила меня. Больно ударило в левое плечо, сорвав старые повязки. По руке мгновенно потекло горячее. От боли в глазах вспыхнуло белое пламя.

Я взвыл, упал на колени и, удерживая автомат одной рукой, нажал на спуск до упора. Короткий ствол Калашникова бешено заплясал, выплевывая свинец вперемешку с моим матом. Очередь прошла незащищенную шею первого вояки, он захлебнулся кровью и завалился назад, увлекая за собой напарника. На чистом рефлексе я перехватил висящую за спиной СВД здоровой рукой, упер приклад в целое плечо и всадил пулю второму точно между глаз, пока он пытался подняться. Голова в шлеме разлетелась как спелый арбуз. Драгунов еще никого не подводил.

С раненого плеча в рукав хлестала кровь. Адская боль ослепляла, но адреналин окончательно выжег остатки страха и разума. В голове набатом заиграл бешеный doomwave, заглушая звон в ушах. Я остался один против штаба. Изнутри здания доносился панический треск раций:

— Командир, этот псих завалил почти всех! Он один всю базу пачками уложил! На крыльце чисто!

И холодный ответ офицера:

— Уничтожить. Это приказ. Выполнять.

Перезарядив винтовку, я поймал в оптику окно второго этажа штаба и нажал на спуск. Тяжелая пуля пробила стекло и разнесла пулеметное гнездо вместе с головой засевшего там бойца. Осталось двое: капитан отряда и его личный телохранитель.

Я мысленно вознёс себя как какое-то бессмертное божество Зоны. С пистолетом в одной руке и АКСУ в другой я взлетел по ступеням крыльца, скользя по чужим гильзам и крови. С ноги выбил тяжелую дубовую дверь штаба и ворвался внутрь, как к себе домой... И чуть было прямо с порога не поплатился за свою гордыню.

Внутри штаба стояла удушливая, натянутая тишина, сквозь которую из глубины коридора долетал яростный, панический шепот:

— Где же эта тварь?!

— Старший лейтенант, где находится цель?! — этот голос принадлежал командиру отряда. В нем звенел плотный, холодный приказной тон.

— Я не знаю... Он как призрак...

— Искать! Выполнять!

— Так точно.

Дверь с грохотом влетела внутрь от моего удара ноги. Но какая к черту гордыня, какое бессмертное божество — Зона мгновенно сбила с меня всю спесь. Охранник отреагировал со скоростью взнузданной гадюки. Натовский ствол в его руках зашелся бешеным лаем. Шальная пуля калибра 5.56 с визгом прошила мне бедро. Ногу тут же подкосило, кость уцелела чудом, но мясо разворотило знатно. Падая на колени, я попытался вскинуть АКСУ, но в этот же миг командир всадил мне вторую пулю прямо в предплечье. Раненая рука безвольно плетью повисла вдоль туловища, автомат со звоном выпал из пальцев на бетонный пол.

Смерть стояла в полушаге. Охранник в тяжелом экзоскелете уже наводил ствол мне точно между глаз, чтобы поставить жирную точку. Мозг отключился, body сработало на чистом, первобытном рефлексе выживания. Здоровой рукой я судорожно рванул из кобуры пистолет Макарова, вскинул его вслепую и нажал на спусковой крючок.

Глухой хлопок пистолетного выстрела утонул в грохоте автомата.

Произошло то, что в сталкерских кругах называют капризом Зоны. Девятимиллиметровая пуля, выпущенная в упор, насквозь пробила незащищенную шею телохранителя. Он захлебнулся кровью, его повело в сторону, но пуля не

остановилась. Пройдя навывлет сквозь плоть, она с визгом ударилась о массивную бронированную сейфовую дверь за его спиной. Рикошет. Раскаленный кусок свинца под диким, безумным углом отскочил обратно в комнату и вошел точно под ухо командиру, который как раз целился в меня из-за угла. Офицер удивленно вскинул брови, его пистолет выпал из ослабевших пальцев, и оба военных одновременно, с тяжелым глухим стуком рухнули на залитый гильзами пол штаба.

На базе воцарилась гробовая, звенящая тишина. Снова остался только я и мертвецы.

Я завалился на бок, тяжело и хрипло хватая ртом воздух. Всё тело горело живым огнем. Из пробитого бедра и раскученного предплечья толчками шла густая, темная кровь, быстро впитываясь в брезент комбинезона «Заря». Я был буквально на волоске от смерти, в одном миллиметре от того, чтобы навсегда остаться лежать на этих чертовых Складах. Но эта внезапная заявка на тот свет мне очень не понравилась. Я со скандалом вырвал свою жизнь у костлявой, я прожил этот жуткий, сумасшедший момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.